

А. В. Майоров

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЗЯ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА И ЕГО ПОТОМКОВ

К началу XIII в. на Руси сложилась практика использования трех различных терминов, специально применявшихся для подчеркивания политического могущества наиболее сильных и влиятельных князей, впоследствии ставших особыми титулами и, наконец, вошедших в пышный титул московских царей — *великий князь*, *царь* и *самодержец*¹.

Одним из примеров, когда в летописях используются сразу все названные способы подчеркивания могущества князя, представляется случай с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем, неоднократно именуемым «великим князем», а также «самодержцем» и «царем» с указанием на общерусский масштаб его правления — *самодержец вся Русь, царь в Руския земли*². Иногда в отношении Романа подобные определения совмещаются в рамках одной формулы: «Великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца вся Роуси»³.

Подобное сочетание всех возможных в Древней Руси высших эпитетов и статусных характеристик носителя княжеской власти в источниках встречается нечасто. Можно даже говорить, что Роман Мстиславич в данном отношении представляет собой почти что исключение и может быть сопоставлен только с Ярославом Мудрым, которого летописи также именуют «великим князем» и «самодержцем» («самовластцем»)⁴, а в одном граффити Киевской Софии он назван еще и «царем»⁵.

¹ Подр. см.: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.: СПб., 2006.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 715. 808.

³ Там же. Стб. 715.

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 150.

⁵ *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (Свод археологических источников. Е I–44). С. 14–15; *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV веков. Киев, 1966. Вып. I. С. 39–41.

**ТИТУЛЫ ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В XIII В.**

Определение «царь», а также производные от него «царский», «цесарство», «цесарствие», «царствовать», употреблявшиеся в отношении отдельных представителей княжеского рода Рюриковичей встречаются время от времени в древнерусских источниках⁶. Попавшее в древнерусский язык, по-видимому, из старославянской литературы⁷, слово «царь» («цесарь») использовалось для обозначения Бога — Царя Небесного, ветхозаветных правителей, римских и византийских императоров, обычно служа переводом греч. βασιλεὺς⁸. С конца XII в. известны также случаи применения этого термина к императору Священной Римской империи («цесарь Немецкий» или «цесарь Римский»)⁹.

Как показывают наблюдения В. А. Водова и А. А. Горского, в XI–XII вв. применение царского титула к русским князьям носило окказиональный характер: такой титул мог употребляться для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего князя, в связи с главенством князя в церковных делах и культом князя-святого¹⁰. Термин «царь» попал на Русь в период относительно безразличного отношения Рюриковичей к титулатуре и поэтому титулом не стал, а использовался как своего рода обозначение князя «высоким стилем»¹¹.

То же самое, вероятно, следует сказать и в отношении термина «самодержец». Будучи калькой с греч. αὐτοκράτωρ, первоначально это выражение не было титулом, а представляло собой некое почетное определение, характеризующее правителя, который не делил свою власть ни с кем из родственников или иных соправителей и в этом смысле властвовал единолично¹².

В XIII в. положение изменилось, чему способствовали два обстоятельства: падение Константинополя и захват Византии латинянами, а также монголо-татарское нашествие и установление на Руси верховной власти монгольских и золотоордынских ханов.

В литературе обращают внимание преимущественно на последнее обстоятельство, отмечая факты систематического применения в русских источниках со времени наше-

⁶ Наиболее полный обзор подобных случаев см. в специальном исследовании В. А. Водова: *Vodoff W. Remarques sur le valeur du terme «tsar» applique aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. New Series. Oxford, 1978. Vol. XI. P. 1–41.* Русский перевод см.: *Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. С. 513–516.*

⁷ *Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 193–194, 252.*

⁸ *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. III. Стб. 1433–1434, 1460–1466.* — См. также: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 774; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. IV. С. 290–291.*

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666–667, 728, 776, 814; М., 2000. Т. III. С. 46–47.

¹⁰ См.: *Водов В. Замечания о значении титула «царь»...; Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996 г. М., 1996. С. 205–212.* — См. также: *Щапов Я. Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004; Исавич Я. До історії титулатури володарів у Східній Європі // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2008. Вип. 2. С. 3–29.*

¹¹ *Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 135.*

¹² *Филошкин А. И. Указ. соч. С. 55.*

ствия Батгя титула *цесарь/царь* к великому хану в Каракоруме, а с 1260-х гг., после утверждения полной самостоятельности Орды, — и к ханам этого западного улуса Монгольской империи¹³.

Однако монгольским влиянием невозможно объяснить перенос на правителей Монгольского государства заимствованного у Византии царского титула. Выяснить, почему именно этот, чуждый монголам титул закрепился на Руси за их правителями, вытеснив собой свой монгольский эквивалент — титул «хан», — также известный на Руси, но употреблявшийся гораздо реже¹⁴, можно только с учетом русско-византийских отношений предшествующего времени.

Дело в том, что монгольское завоевание Руси пришлось на период временного «отсутствия царства», наступивший после падения Константинополя в 1204 г. и продолжавшийся до восстановления Византийской империи в 1261 г. Монгольское государство и его правители как бы заполнили собой место, принадлежавшее ранее Византии и ее императорам и теперь временно пустовавшее. Восстановление Византийской империи только закрепило вновь сложившуюся реальность, поскольку василевсы и константинопольский патриархат вступили с Ордой в союзнические отношения и тем самым легитимизировали положение этого государства в Восточной Европе и в том числе зависимость от него русских земель¹⁵.

Наименование ханов Орды царями вытекало, разумеется, не из того, что после 1204 г. русская мысль искала, кого бы теперь назвать царем, а из реального политического статуса Джучидов, подчинивших не только Русь, но и другие государства, поставивших на службу себе их правителей и обложивших данью население. По верному замечанию А. И. Филлюпкина, они, Джучиды, «...стало быть... действительно цари, причем в имперском (а не христианском) понимании этого слова. И легитимизация Золотой Орды в Европе вытекала не из союза с Византией, а из боевой мощи татарских туменов»¹⁶.

Однако между падением Константинополя в 1204 г. и установлением на Руси татаро-монгольского ига прошло без малого полстолетия, в течение которого произошли заметные изменения в практике использования царского титула. «Погибель царства богохранимого Константинограда», как воспринимали на Руси захват Византии крестоносцами¹⁷, привела к тому, что царский титул на длительное время утрачивает свою привлекательность для русских князей, частота его употребления в источниках применительно к правителям русских земель резко сократилась, и за весь XIII и первую половину XIV в. можно указать только трех князей, в отношении которых был использован царский титул (против нескольких десятков подобных случаев в XI–XII вв.)¹⁸.

Нельзя сказать, чтобы русские князья в первой половине XIII в. совершенно не нуждались в титуле, подчеркивавшем и закреплявшем политическое неравенство и преимущество одних князей перед другими. Скорее наоборот, потребность в таком титуле

¹³ Пасонов А. И. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 30; Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. С. 442–456; Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 532; Горский А. А. 1) Москва и Орда. М., 2000. С. 87–88; 2) «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 135–136.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 470–472; Ф. И. Стб. 745, 785; Серебрянский Н. Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Прил. С. 55. См. также: Горский А. А. Москва и Орда. С. 87, примеч. 53.

¹⁵ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 136.

¹⁶ Филлюпкин А. И. Указ. соч. С. 74.

¹⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 49.

¹⁸ В. А. Водов указывает 24 выявленных им в различных письменных источниках случаев применения к русским князьям XII–XIII вв. царского титула (Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 513–518).

усилилась, доказательством чему служит систематическое применение почетного определения «великий князь», которое как раз на рубеже XII–XIII вв., по мнению А. Поппэ, перерастает в особый титул, отличавший наиболее могущественных князей¹⁹.

При подобных условиях отказ русских князей от царского титула, к которому еще недавно они проявляли несомненный интерес, на наш взгляд, можно объяснить известным снижением авторитета царской власти и политического влияния Византии вообще, ставшим следствием падения Константинополя.

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Единственным регионом Древней Руси, где царский титул не только не утратил своего прежнего значения и привлекательности, но и обнаружилось явное стремление местных князей в той или иной мере использовать его, была Галицко-Волинская Русь. Исследователями давно замечено, что в то время как летописи Северо-Восточной Руси и Новгорода полностью уклоняются от какого-либо применения царского титула к русским князьям, в Галицко-Волинской летописи, напротив, царский титул на протяжении всего XIII в. применяется как к галицким, так и к волинским князьям, чего ни разу не было отмечено в предшествующие столетия²⁰.

К такому же выводу на основании анализа более широкого круга источников приходит В. А. Водов: «В XIII веке число примеров (использования царского титула на Руси. — А. М.) сокращается, причем они встречаются только в текстах галицкого и волинского происхождения»²¹.

Итак, в Галицко-Волинской летописи царским титулом отмечен, прежде всего, Роман Мстиславич, родоначальник династии галицко-волинских князей. Обращаясь к сыну Романа Даниилу, летописец восклицает: «Его же (Даниила. — А. М.) отец (т. е. Роман Мстиславич. — А. М.) бе цесарь в Роуской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все»²².

А. С. Орлов обратил внимание на параллель приведенного отрывка с текстом «Александрии», переведенного с греческого языка не позднее середины XIII в. эллинистического романа об Александре Македонском. Описывая унижения Даниила Романовича в Орде, летописец как бы сравнивает его с персидским царем Дарием, побежденным Александром, — вспоминая о поре всевластия Дария, автор романа, подобно русскому летописцу, говорит: «...толикий царь Дарии, толико язык победив и вся грады поработив»²³.

¹⁹ Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. Warszawa, 1989. Т. 60. S. 159–184.

²⁰ Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902 (Изд. ОЛДП. Т. СХIII). С. 32; Орлов А. С. О галицко-волинском летописании // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 33; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Там же. С. 54; Исаевич Я. Д. Из истории культурных связей Галицко-Волинской Руси с западными славянами в XII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 263.

²¹ Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 518.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 808.

²³ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1926. Т. III. С. 116. — См. также: Творогов О. В. Александрия Хронографическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 35–37.

На основании указанной параллели иногда делается вывод о чисто литературном характере уподобления Романа Мстиславича царю автором Галицко-Волынской летописи²⁴. Если это и так, то, прибегая к литературным средствам, летописец лишь подчеркивает высокий правительственный статус Романа на Руси, утраченный его сыном после поражения от татар.

Воспринимался ли летописцем в качестве царя сам Даниил Романович, из данного отрывка не ясно. Нет и других прямых свидетельств наследования царского титула Даниилом. Зато можно уверенно говорить, что царским титулом пользовался его племянник, владими́ро-во́лынский князь Владимир Василькович (1269–1288).

Этот факт подтверждается целым рядом красноречивых свидетельств. В колофоне списка Паренесиса Св. Ефрема Сирина, выполненного для тиуна Петра, одного из приближенных князя, значится:

Въ лето семое тысяще написашася книги сия при цесарстве благовернаго цесаря Володимера, сына Василкова, унука Романова, боголюбивому тивуну его Петрови²⁵.

Оригинал рукописи, составленной между 1269 и 1289 гг., утрачен. Приведенная запись писца Иева сохранилась в списке конца XV в., хранящемся ныне в Российской национальной библиотеке (РНБ. Погодинское собрание. № 71а). В этом позднем списке, вероятно, и появилась читающаяся в выходной записи дата: «Въ лето семое тысяще...»²⁶.

Кроме того, Владимир Василькович дважды уподобляется царю в рассказе о его кончине, помещенном в Галицко-Волынской летописи в составе так называемого Летописца Владимира Васильковича, завершеного вскоре после его смерти²⁷. В первый раз летописец сообщает о приготовлении тела усопшего к погребению по царскому чину:

Княгини же его [е слу]гами дворьными, омывше его и увила и оксамитом со кружвом, якоже достоитъ цесаремъ, и возлопила и на сани, и повезола до Володимеря²⁸.

Далее, в сцене плача вдовы Владимира летописец приводит ее обращение к покойному: «Цесарю мои благыи, кроткыи, смиренныи, правдивыи!»²⁹

Помимо приведенных примеров, где царский титул и производные от него понятия непосредственно относятся к галицким и волынским князьям, известно также немало случаев употребления «царской терминологии» в письменных памятниках Галицко-Волынской Руси применительно к другим русским князьям и княжеской власти вообще.

Например, в галицком списке Повести временных лет, вошедшем в состав Летописца Переяславля-Суздальского³⁰, весь текст летописи озаглавлен: «Летописец Руских царен». О вокняжении в Киеве Олега в 882 г. здесь сказано так: «И седе Олег, княжа и царствуюа в Киеве». Здесь также встречается весьма необычное употребление глагола «царствовать» в значении «прозываться»: «...нача царствовати Русская земля».

²⁴ Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 519, 525, 529.

²⁵ Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. № 105. С. 119–120.

²⁶ См.: Там же. С. 121–122.

²⁷ О Летописце Владимира Васильковича см.: Еремш И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. как памятник литературы // ТОДРЛ. JL, 1957. Т. XIII. С. 102–117.

²⁸ ЦСРЛ. Т. II. Стб. 918.

²⁹ Там же. Стб. 919–920.

³⁰ Доказательства происхождения этого списка из Галицко-Волынской Руси см.: Орлов А. С. О галицко-волышском летописании. С. 32–33.

В трех грамотах, составленных от имени галицкого князя Льва Даниловича (1264 – ок. 1301), оригиналы которых не сохранились, термин «царь» применен к киевскому князю Владимиру Святославичу (980–1015). Мотивируя свое решение о земельных пожалованиях в пользу церкви, князь Лев ссылается на своего далекого предка: «...яко прадед наш царь великий Володимир придал митрополитом»³¹. Упоминание в этих грамотах также митрополита Киприана позволяет предположить, что они были созданы не ранее конца XIV в. с целью подкрепить имущественные права православной церкви в Галичине, оказавшейся под властью Польши³².

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ РОМАНА И ЕГО ПОТОМКОВ: ЭВОЛЮЦИЯ СМЫСЛА

Обычно термин «царь» не допускает использования детерминантов, за исключением притяжательных — *мой, твой, наш, ваш*³³. Отдельные исключения из этого правила, впрочем, возможны. И как раз такое редкое (если не единственное) для Древней Руси исключение представляет случай употребления выражения *царь* применительно к Роману Мстиславичу — *цесарь в Руской земли*. Такая формула сопоставима только с титулом киевского князя Владимира Святославича — «царь русский», «царь Русския земли», — присвоенным ему *post factum* русскими книжниками конца XIV–XV вв.³⁴

С другой стороны, термин «царь» в практике его применения в Древней Руси никогда не сочетается с определением «самодержец» («самовластец»), использовавшимся в титулах византийских императоров и московских царей³⁵. И снова единственное исключение приходится сделать для Романа Мстиславича: Галицко-Волынская летопись — правда, в разных местах — называет его и *царем*, и *самодержцем*.

Царский титул, применявшийся к князьям Древней Руси (особенно широко — во второй половине XII в.), едва ли мог подразумевать весь комплекс атрибутов и смыслов царской/императорской власти, выработанный в Византии и впоследствии воспринятый царями Московской Руси³⁶. В домонгольское время этот титул в русской практике его применения подчеркивал не столько политическое могущество, сколько святость и благочестие князей. Об этом свидетельствует тот факт, что царский титул в основном применялся к умершим князьям, нередко насильственной смертью, сопровождался использованием атрибутов «благоверный» и «христолюбивый», а также описанием их

³¹ Грамоти XIV століття / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пешак. Київ, 1974. С. 9, 13, 19.

³² Наиболее полный и основательный анализ содержания и подлинности всех известных ныне грамот Льва Даниловича и их списков см.: Купчинський О. А. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть: Дослідження. Текст. Львів, 2004. С. 454–683.

³³ Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 524.

³⁴ Например, в Задонщине (по Синодальному списку) великий князь Дмитрий Иванович поминает своего «прадеда князя Володимера Киевскаго, царя Русскаго» (ГИМ. Синодальное собрание. № 790. Л. 37 об. — См. также: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / Под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1966. С. 309); «царь Руския земля Владимир» упоминается также в письме великого князя Василия II Темного константинопольскому патриарху Митрофану, датированном 1441 г. (РИБ. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 527–528).

³⁵ Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 524.

³⁶ О распространении и развитии в Древней Руси византийских представлений о значении и пределах царской власти см.: Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

нравственных добродетелей. Применение царского титула стало одним из способов констатации святости князя и начальным этапом подготовки его канонизации³⁷.

Кроме того, царский титул подразумевал особое место древнерусских князей в церковной иерархии, их право влиять на выбор новых епископов, участие в канонизации святых, особую роль в церковном богослужении. В соответствии с усваиваемой на Руси византийской религиозной доктриной, высшее призвание царя — быть в ответе за спасение своих подданных³⁸. Резюмируя многочисленные свидетельства о значении, придаваемом в Древней Руси царской власти, В. А. Водов приходит к следующему выводу:

... природу царской власти, которой периодически наделяются русские князья, следует искать не в области политики, а в религиозной и церковной сферах. Именно по этой причине русские князья продолжают время от времени называться «царями» даже после установления политической власти татарских «царей»: очевидно, что они не могли отречься, оказавшись в подчинении у языческого хана или хана-мусульманина, от духовной ответственности, которая устанавливалась византийской традицией³⁹.

Важно подчеркнуть, что и с точки зрения этой основополагающей функции царской власти, Роман Мстиславич опять-таки представляет скорее исключение в сравнении с другими князьями Древней Руси, наделяемыми царским титулом.

В случае с Романом царский титул выступает исключительно в своем светском (имперском) значении: Роман Мстиславич потому был «цесарем», что, по словам летописца, он не просто княжил в Русской земле, но также был победителем и завоевателем других стран («...иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все») ⁴⁰. В этом отношении Роман подобен монгольским ханам, завоевавшим статус царей благодаря своим победам над многими странами. В отношении ханов царский титул на Руси также применялся исключительно в светском, секулярном смысле.

Летописец сам сравнивает власть Романа Мстиславича, «цесаря в Руской земли», с властью хана Батгя, установившейся на Руси после монголо-татарского нашествия. Рассказав об унижениях, которые довелось испытать сыну Романа Даниилу во время посещения ханской ставки, летописец горько сетует на то, что отныне Даниил уже не может «принять чести» своего отца, отдавая «злой чести татарской» ⁴¹. По словам летописца, сыновья Романа Даниил и Василько, хотя и продолжали «обладать Русской землей» в Киевом, Владимиром и Галичем, но, признав себя вассалами и данниками хана, не могли более считаться царями в полном смысле этого слова:

О злесе зла честь Татарская! Данилови Романовичю, князю бывпоу великоу, обладавпоу Роускою землею, Киевом, и Володимиром, и Галичем, со братом си [и] иными странами, ныне седить на коленоу и холопом называється, и дани хотят, живота не част, и грозы приходят ⁴².

Впрочем, несмотря даже на утрату внешнеполитического суверенитета галицко-волыньских князей, признавших свою зависимость от ханов Орды, царский титул не

³⁷ Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 532–535.

³⁸ Там же. С. 536–539.

³⁹ Там же. С. 538.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 808.

⁴¹ «О злая честь Татарская! Его же (Даниила. А. М.) отец (т. е. Роман Мстиславич. А. М.) бе цесарь в Роуской земли. иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все. Сын того не прия чести. то иныи кто может прияти!» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 808).

⁴² Там же. Стб. 807–808.

был полностью исключен из употребления в Галицко-Волинской Руси и еще какое-то время применялся в отношении потомков Романа Мстиславича. Однако смысловое содержание понятия «царь» при этом существенно изменилось.

Мы уже видели, что царский титул несколько раз применяется в источниках к внуку Романа, владими́ро-волинскому князю Владимиру Васильковичу. В сцене оплакивания князя, представленной в Галицко-Волинской летописи, вдова Владимира произносит:

Цесарю мои благыи, кроткыи, смиренныи, правдивыи! Во истину наречено бысть тебе имя во крещеньи Иван, всею добродетелью подобень есь емоу. Многыя досады приимь от своих сродникъ, не видехъ тя, господине мои, николи же противоу ихъ злоу никоторого же зла воздающа, но на Бозе вся покладывая⁴³.

И хотя в продолжении сцены оплакивания и похорон «лепшие мужи владимирские» говорят, что усопший князь «наследовал путь деда своего»⁴⁴ (т. е. Романа Мстиславича), ясно, что с точки зрения наследования царского титула и связанного с ним статуса полной аналогии Владимира с Романом быть не может. Царский титул Владимира Васильковича применяется в летописи лишь для того, чтобы подчеркнуть нравственные и христианские добродетели «кроткого» и «правдивого» князя, смиренно сносившего «досады» и не противившегося «злу», во всем полагавшегося на Бога. Отсюда и сравнение Владимира не со светским владыкой, а со Св. Иоанном — Иоанном Крестителем или, может быть, Иоанном Златоустом⁴⁵.

Как видим, в случае с Владимиром Васильковичем царский титул возвращается к тому основному значению, которое он приобрел на Руси в XI–XII вв. По наблюдениям И. П. Еремина, весь летописный рассказ о болезни и смерти этого князя «перекладывается в отчетливый агиографический строй повествования — в стиле повестей Киевской летописи о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида». Есть между ними и дословные совпадения: молитва Владимира Васильковича перед смертью буквально соответствует молитве Давида Ростиславича; плач по мужу вдовы Владимира Ольги почти дословно воспроизводит плач вдовы Романа Ростиславича над его телом; «лепшие мужи» владимирские оплакивают смерть своего князя Владимира Васильковича точно так же, как и «лепшие мужи» новгородские смерть Мстислава Ростиславича⁴⁶.

Добавим к этому, что в Смоленске в XII в. сложилась устойчивая тенденция к прославлению местных князей, щедро награждаемых царскими титулами и соответствующими эпитетами. В одном из произведений смоленской литературы того времени — Похвале князю Ростиславу Мстиславичу, — дошедшей в составе Нифонтовского сборника первой половины XVI в. (рукопись, составленная игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонтом Кормилицыным и содержащая различные сочинения в защиту

⁴³ Там же. Стб. 919–920.

⁴⁴ Там же. Стб. 920.

⁴⁵ Не случайно о царском достоинстве Владимира Васильковича упоминается в летописи в связи с описанием его кончины, явившейся следствием тяжелой болезни и страданий князя, прославившегося своими щедрыми пожертвованиями церкви и благочестием. См.: Андрощук Ф., Чельстрем А. «Се же бысть вторы Иевъ»: болезнь князя Владимира Васильковича и ее библейские параллели // Ruthenica. Киев, 2007. Т. 6. С. 243–257.

⁴⁶ Еремин И. П. Волинская летопись... С. 113–114. См. также: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 85–90.

официального православия) говорится, что Ростислав за свои высокие добродетели был удостоен от Бога «[ц]арствовать в всей Руской земле» (ОР РНБ. Q. XVII. 15. Л. 469). Ростислав Мстиславич прямо назван здесь «треблаженным и святым», что недвусмысленно свидетельствует о претензии на установление церковного почитания этого смоленского и великого киевского князя⁴⁷.

В рассматриваемом нами случае с Владимиром Васильковичем изменяется не только смысловое содержание царского титула, но и форма. Царский титул этого владимировольинского князя утратил свой прежний детерминант, придававший ему общерусское значение — *цесарь в Руской земле*, — который мы видели в титуле его деда Романа Мстиславича и некоторых великих киевских князей XI–XII вв. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания.

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ЗНАЧЕНИИ ЦАРСКОГО ТИТУЛА РОМАНА

Использование в царском титуле Романа Мстиславича детерминанта, связывающего его с Русской землей, *цесарь в Руской земле*, — еще один важный след, который, как нам представляется, указывает на возможный источник заимствования такого титула. В отличие от большинства других случаев применения царского титула в Древней Руси, так или иначе связанных с византийской доктриной о природе верховной власти, титул Романа, на наш взгляд, в большей мере находит соответствие в практике присвоения царского титула правителям славянских государств на Балканах, добившихся независимости от Византии.

Так, правители Болгарии и Сербии, добившись в конце XII в. фактически полной независимости от Византийской империи, сами приняли царские титулы, которые отличались от универсального титула вселенского императора обязательным прибавлением детерминантов, отражающих национальную принадлежность, — «царь болгар и влахов» и «царь сербов и греков»⁴⁸.

Вступивший в конце XII в. в переписку с Римом правитель Болгарии Иван Калоян (1197–1207) добивался признания за собой царского (императорского) титула, шантажируя папу тем, что если тот не согласится, то Калоян без труда получит царский титул от греков, которые уже в сущности ведут с ним подобные переговоры⁴⁹. Только после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. папа Иннокентий III согласился, наконец, частично удовлетворить просьбу болгарского правителя, предоставив ему лишь королевский (но не царский) титул. Такое решение Рима немедленно спровоцировало конфликт Калояна с латинским императором в Константинополе Балдуином I (1204–1205), потребовавшим, чтобы болгарский король признавал латинского императора своим сюзереном. В 1205 г. в союзе с греками Калоян нанес сокрушительное

⁴⁷ Щапов Я. Н. «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу» как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 47–59.

⁴⁸ Ostrogorsky G. Avtokrator i Samodržac: Prilog za istoriju vladalačke titulature u Vizantiji i u Južnih Slovena // Glas Srpske Kraljevske Akademije. Beograd, 1935. T. CLXIV. Drugi razred. S. 129–141; Dölger Fr. Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // Fr. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Etal. 1953. S. 140–158; Tăpkova-Zaimova V. L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare // Byzantina. Thessalonikē, 1971. T. III. P. 287–295.

⁴⁹ См.: Латински извори за българската история. София, 1965. Т. III. С. 309–335 и др.

поражение войскам крестоносцев в битве под Адрианополем, а император Балдуин умер в болгарском плену⁵⁰.

Использование в титуле Романа детерминанта, отражающего его национальную принадлежность, нашло отражение не только в русских, но и в иностранных источниках. Весьма показательным, что в западноевропейских государствах галицко-волынский князь воспринимался не в качестве князя какой-либо из русских земель, а как правитель всей Руси, носивший королевский титул. Об этом свидетельствует применение к нему королевского титула с прибавлением детерминантов, указывающих на общерусский характер власти Романа. Сообщая о походе галицко-волынского князя через Польшу в Саксонию, французский хронист середины XIII в. Альбрик из монастыря Трех Источников называет его «король Руси по имени Роман» (*Rex Russie, Romanus*)⁵¹. С титулом «короля Руси» или, точнее, «короля рутенов» (*rex Ruthenorum*) Роман Мстиславич упоминается в синодике монастыря Св. Петра в Эрфурте, и эта запись, очевидно, была сделана вскоре после смерти Романа⁵².

Польский хронист конца XII – начала XIII вв. Винцентий Кадлубек, хотя и не применяет к Роману Мстиславичу ни царского, ни королевского титулов, тем не менее, описывая его правление, употребляет такие характеристики, которые прямо указывают на общерусский размах и поистине царский характер власти Романа, ведь под его властью оказались «почти все» русские земли и князья: «... в короткое время (Роман Мстиславич. — А. М.) вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями»⁵³.

Общерусский характер власти Романа, стремившегося властвовать не только на Волыни и в Галичине, подтверждается свидетельствами русских летописей. Роман фактически устанавливает свою власть над Киевом и самостоятельно распоряжается судьбой киевского стола, тем самым проявляя себя в качестве «царя Русской земли», т. е. верховного властителя большей части Южной Руси⁵⁴.

Сообщения русских летописей дополняет своими сведениями польский историк XV в. Ян Длугош, согласно которому, из страха перед Романом русские князья не решались занимать киевский стол, пустовавший после свержения Рюрика Ростиславича. А дерзнувшего на это смоленского князя Святослава Мстиславича Роман с позором изгнал из Киева. По словам Длугоша, проявленное смоленским князем самоуправство

... было невыносимо для галицкого князя Романа Мстиславича, который хотел, чтобы именно его почитали русским монархом и чтобы ему принадлежала высшая власть на Руси⁵⁵.

⁵⁰ Златарский В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 1972. Т. III. С. 150–211; Овчаров Н. Победите на цар Калоян (1197–1207 гг.). Историческият избор на България между православие и католицизъм. София, 2000. См. также: Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 130–132.

⁵¹ Albrici monachi Triumfontium Chronikon. 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. Hannoverae, 1874. Т. XXIII. P. 885.

⁵² Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften Deutscher Geschichte des Mittelalters. Hannover; Berlin, 1935. S. 517.

⁵³ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: Текст, перевод, комментарий. М., 1990. С. 112.

⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 420–421; Т. III. С. 45, 240.

⁵⁵ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 350.

Применение к Роману Мстиславичу королевского титула в западноевропейских источниках означает, что в Западной Европе в Германии и во Франции его должны были воспринимать как верховного правителя Руси, стоящего над другими русскими князьями. Назвать Романа царем (императором) было невозможно без соответствующей санкции Рима. В средневековой католической Европе мог существовать только один законный император — правитель Священной Римской империи, воспринимавшийся как преемник западно-римских императоров, а также правителей империи Карла Великого⁵⁶. В то же время, использование титула *король Руси* для обозначения наиболее могущественного из русских князей, по-видимому, было допустимо и без специальной санкции.

Насколько можно судить, такое же положение в XIII—XIV вв. сложилось и на Балканах. Правители Болгарии и Сербии широко пользовались царскими титулами, так и не получив официального признания и законной санкции на это ни от римского папы, ни от византийского императора. Только в самых исключительных случаях за правителями отдельных государств могли быть официально признаны царское достоинство и титул.

Еще в VII в. принявший титул «василевса ромеев» (т. е. римлян), византийский император считал себя главой «вечной» и «единственной» Римской империи, и никакого другого императора в мире больше быть не могло⁵⁷. Императорский титул, который присвоили себе германские короли, рассматривался в Византии с гневом и презрением. Как рассказывает Лиутпранд Кремонский, в 968 г., когда в Константинополь прибыли легаты папы Иоанна XIII с письмом к «императору греков» Никифору II Фоке (963–969), в котором папа отзывался об Оттоне I как об «августейшем императоре римлян», византийцы не могли сдержать своего негодования, назвав папское послание «гнусностью» и «дерзостью», а упомянутого в нем Оттона — «нищим варваром»⁵⁸.

Только уступая военной силе, после месячной осады Константинополя болгарскими войсками правительство Византии в августе 913 г. согласилось признать за правителем Болгарии Симеоном (893–927) титул «василевса болгар и ромеев», условием чего стала женитьба императора Константина VII Багрянородного (913–920, 945–959) на одной из дочерей Симеона, что превратило последнего в василевсатора (опекуна императора) и давало ему законное право править Византией⁵⁹. Правда, уже в феврале 914 г. императрица Зоя, мать Константина VII, отреклась от признания императорского титула Симеона и отказалась от возможного брака между своим сыном и дочерью болгарского правителя⁶⁰. После долгой борьбы, в 926 г. Симеону все же удалось добиться признания своего императорского титула от римского папы Иоанна X⁶¹.

⁵⁶ См.: *Herbers K., Neuhaus H. Das Heilige Römische Reich — Schauplätze einer tausendjährigen Geschichte (843–1806)*. Köln; Weimar, 2005.

⁵⁷ *Оболенский Д.* Византийское содружество папий. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 289 и след.

⁵⁸ *Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о поездке в Константинополь / Изд. подг. И. В. Дьяконов. М., 2006. С. 140–141.

⁵⁹ *Runciman St.* A history of the First Bulgarian Empire. 482–1019. London, 1930. P. 155–157; *Fine J. V. A.* The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 2000. P. 144–148. См. также: *Божилков Ив.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. София, 1983.

⁶⁰ *Златарски В.* История на Първото Българско царство. София, 1927. Ч. 2: От славянизацията на държавата до падането на първото българско царство. С. 367–368; *Loud G. A.* A re-examination of the 'coronation' of Symeon of Bulgaria in 913 // *The Journal of Theological Studies*. Oxford, 1978. T. XXIX. P. 109–120.

⁶¹ *Mladjov I.* Between Byzantium and Rome: Bulgaria and the West in the Aftermath of the Photian Schism // *Byzantine Studies: Etudes Byzantines*. Pittsburgh, 1999. T. 26. P. 173–181.

Однако принятие болгарским правителем титулов «василевса болгар и ромеев» и даже «василевса ромеев» означало не столько стремление к равенству с византийским императором, сколько желание самому занять константинопольский престол⁶². То же самое следует сказать и о мотивах короля Сербии Стефана Душана (1331–1355), принявшего в 1346 г. титул «царя сербов и греков», или «василевса Сербии и Романии». Когда после смерти византийского императора Андроника III Палеолога (1328–1341) началась борьба за власть между его вдовой Анной Савойской, матерью нового несовершеннолетнего императора Иоанна V (1341–1376, 1379–1390, 1390–1391), и будущим императором Иоанном VI Кантакузином (1347–1354), Стефан Душан, поддерживая то одну, то другую сторону, сам возымел виды на константинопольский престол. В 1343 г. ему удалось породниться с византийским императором: пятилетний сын Стефана Урош сочетался браком с сестрой Иоанна V⁶³.

А. В. Поппэ и В. А. Водов полагают, что поскольку никто из древнерусских князей не мог называть себя «царем россос и римлян (или греков)», то и применяемый к ним титул «царь» вовсе не был связан с собственно царским статусом и функциями⁶⁴. Подобное мнение, в той или иной мере разделяемое практически всеми современными исследователями, на наш взгляд, нуждается в корректировке.

К концу правления Романа Мстиславича в Восточной Европе и на Балканах сложилась обстановка, которая уже не требовала от обладателя царского титула, чтобы он непременно был еще и претендентом на византийский императорский престол. Падение Константинополя в 1204 г. привело к распаду «вечной» и «единственной» Римской империи. На византийских землях в Европе и в Азии возникло сразу несколько новых государств, правители которых присвоили себе титул императора: уже в первые десятилетия XIII в. на территории бывшей Византийской империи возникли Латинская, Никейская, Трапезундская и Фессалоникийская империи⁶⁵.

Титул *василевс* (или *царь* в славянских странах) отныне стал достоянием сразу нескольких властителей, число которых с течением времени только возрастало. С XIII в. в официальных документах василевсами титулуют себя латинские императоры в Константинополе, правители Никей и Трапезунда. Никита Хониат, заканчивавший свою «Историю» уже после падения Константинополя, называет василевсами германских императоров Фридриха I Барбароссу (1152–1190) и Генриха VI (1191–1197); «василевсом болгар» именуется Ивана Калояна Георгий Акрополит. В XIV–XV вв. этот ревниво оберегаемый прежде титул применяется даже для обозначения нехристианских правителей: среднеазиатский эмир Тамерлан (Тимур) (1370–1405) в византийских источниках именуется «василевсом скифов и массагетов», а турецкий султан Мехмед II (1444–1446, 1451–1481) получил в Византии пышный титул «великого василевса»⁶⁶.

⁶² Литаврин Г. Г. Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.) // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. (Сборник статей). СПб., 1999. С. 226.

⁶³ Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 264–272, 290; Soulis G. C. The Serbs and Byzantium during the reign of Emperor Stephen Dusan (1331–1355) and his successors. Athens, 1995.

⁶⁴ См.: Водов В. Замечания о значении титула «царь»... С. 524.

⁶⁵ Об этих империях см.: Bowman St. The Jews of Byzantium. 1204–1453. Tuscaloosa, 1985; Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarides of Nicaea (1204–1261). Oxford, 1975; Капов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007; Bredenkamp Fr. The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike, 1996.

⁶⁶ Rosch G. Onoma basileias. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spatantiker und fruhbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 37–39, 111–116; Chrysos K. The Title ΒΑΣΙΛΕΥΣ in early byzantine international Relations // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1978. Vol. 32. P. 29–75.

Существенные изменения после падения Константинополя в 1204 г. претерпела сама имперская доктрина, веками поддерживаемая византийцами. Особенно эти изменения заметны в славянских странах, в политике правителей балканских государств, прежде всего Болгарии. Царь Иван Калоян, как мы видели, отказался от титула своих предшественников «василевс болгар и ромеев», избрав для себя новый титул: «царь болгар и влахов», стремясь всячески отмежеваться от византийского наследия и даже истребить всех греков, проживавших на болгарских землях⁶⁷. В правление царя Ивана Асеня II (1218–1241) в Болгарии сформировалось представление о том, что с распадом Византийской империи вселенская власть василевса разделилась на части, и к болгарским правителям перешла царская власть на Западе (т. е. на Балканах), в то время как на Востоке (т. е. в Малой Азии) царствовал никейский император⁶⁸. Очевидно, подобные представления получили распространение и в Сербии⁶⁹.

Только в этот период, наступивший после падения Константинополя, когда на землях Византийской империи и в странах ближайшего окружения начался, так сказать, парад имперских суверенитетов, существенно изменивший прежние представления о власти императора, могли произойти отмеченные выше изменения содержания и формулы царского титула русских князей. В начале XIII в. появляется титул «царь в Русской земле» и «самодержец всея Руси», и этот царский титул на некоторое время закрепился за правителями Галицко-Волынской Руси. Князья же прочих русских земель на протяжении всего XIII в., напротив, уклонялись от использования подобного титула. С установлением власти татар царский титул как обозначение верховного правителя переносится на ханов Орды.

Summary

The article deals with history of title of tsar in Medieval Russia. Rely on evidences of Ipatiev Chronicle and other textual sources author argued utilization of this title with regard to Roman Mstislavich and his issue.

⁶⁷ Болсилев Ив. Фамилиата на Асеневци (1186–1460): генеалогия и просопография. София, 1985. С. 36.

⁶⁸ Польшвинский Д. И. Средневековая Болгария между Востоком и Западом: мировые координаты болгарской державной идеи // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1998. С. 22–23.

⁶⁹ Там же. С. 23.